

Научная статья
УДК 347
DOI 10.33184/pravgos-2026.1.19

Original article

ШАРИПОВА Алия Рашитовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

SHARIPOVA Aliya Rashitovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ УСТРАНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ОШИБОЧНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

DEVELOPING A NATIONAL MODEL OF LEGAL REMEDIES FOR ELIMINATING THE
CONSEQUENCES OF ERRONEOUS CRIMINAL PROCEDURE DECISIONS

Аннотация. Согласно УПК РФ лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, имеет право на возмещение вреда, однако одного лишь законодательного указания на это недостаточно. Современные судебные процедуры возмещения вреда, причиненного государством, требуют модификации. Цель: исследовать современное состояние процедуры возмещения ущерба, причиненного государством. Методы: при помощи общих методов познания проведен анализ текущего состояния применения исследуемой нормы; метод моделирования позволил сконструировать отдельный институт, отличающийся от института реабилитации, который носит смешанный уголовно-процессуальный и гражданско-процессуальный характер. Результаты: автор считает, что институт возмещения вреда, причиненного государством, должен предусматривать судебный или внесудебный способ признания незаконным применение мер принуждения, уточнять список этих мер, круг лиц, имеющих право на возмещение вреда, и круг государственных органов, которым могут быть адресованы требования, процессуальный порядок заявления соответствующих требований и их рассмотрения, включая подсудность, сроки, обжалование, денежный размер возмещения и субсидиарную ответственность должностных лиц, виновных в причинении вреда. Создание работоспособной процедуры возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, превратит соответствующие преимущественно декларативные законоположения в реально действующие.

Abstract. According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a person unlawfully subjected to procedural coercive measures during criminal proceedings has the right to compensation. However, a mere legislative provision to this effect is insufficient. Modern judicial procedures for redressing state-caused damages require modification. Purpose: To investigate the current status of the procedure for redressing state-caused damages. Methods: Through the application of general cognitive methods, the article analyzes the current status of application of the researched norm. The modeling method facilitates the construction of a separate institution, distinct from the rehabilitation institution, possessing a mixed criminal procedural and civil procedural nature. Results: The author believes that the institution of compensation for state-caused damages should provide for a judicial or extrajudicial method of recognizing the unlawfulness of coercive measures, clarify the list of these measures, the circle of persons entitled to compensation for damages, and the circle of state bodies to which claims can be addressed, the procedural order for filing and considering such claims, including jurisdiction, deadlines, appeals, the monetary amount of compensation, and the subsidiary liability of officials responsible for causing damages. Establishing an effective procedure for redressing damages resulting from the illegal use of criminal procedural coercive measures will turn the corresponding legal provisions from largely declarative into truly actionable ones.

© Шарипова А.Р., 2026

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, судебный контроль, возмещение вреда, должностные лица

Для цитирования: Шарипова А.Р. Формирование национальной модели правовых средств устранения последствий ошибочных уголовно-процессуальных решений / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 193–199.

Keywords: criminal procedural coercion measures, judicial control, compensation for damages, officials

For citation: Sharipova A.R. Developing a National Model of Legal Remedies for Eliminating the Consequences of Erroneous Criminal Procedure Decisions. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 193–199. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.19.

ВВЕДЕНИЕ

Современные значимые изменения уголовного процесса, ориентированные на защиту прав человека, в целом направлены на предотвращение ошибок при принятии процессуальных решений, их обнаружение и исправление в случае совершения. К соответствующим процедурам можно отнести судебный контроль и пересмотры в проверочных инстанциях. Тот и другой институты объединяет серьезный недостаток – констатация незаконности проверяемого процессуального решения, необеспеченного исполнительным производством. Объяснимо, что главное «исполнительное» последствие уголовно-процессуальных решений регламентировано уголовно-исполнительным правом, хотя к соотношению процедур есть масса вопросов [1]. Но нужно констатировать проблемность УПК РФ в части регулирования исполнения промежуточных решений, а также поворота исполнения. Разумеется, этот институт цивилистического процесса мы называем здесь по аналогии, он наверняка применим только к требованиям имущественного характера, каких в уголовном процессе меньшинство. Однако это важнейшая гарантия интересов ответчика, защищающая его от исполнения предъявленных ему необоснованных требований [2]. Если судебное решение, принятое не в пользу ответчика, было исполнено полностью или частично, а впоследствии отменено, то новый судебный акт в обязательном порядке и без дополнительных просьб и рассмотрений указывает на поворот исполнения. Это означает, что взысканное с ответчика должно быть ему возвращено, а при отсутствии добровольного исполнения может быть выдан исполнительный документ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ГОСУДАРСТВОМ

В уголовном процессе все иначе. Субъектный состав участников судопроизводства и специфика рассматриваемого материально-правового спора не позволяют напрямую экстраполировать механизмы поворота исполнения, но они не меняют сквозной процессуальной идеи, что ошибки должны быть исправлены. Простая их констатация способствует укреплению авторитета суда гораздо в меньшей степени, чем зримое и реальное устранение их последствий.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» называет в числе традиционных ценностей служение Отечеству и ответственность за него. Думается, что защита таких ценностей наиболее эффективна, когда ее осуществляют в каждодневной деятельности государственные органы. А ответственность за Отечество подразумевает и ответственность за авторитет его властных органов, законность и обоснованность принимаемых ими решений и реальность исправления допущенных ошибок, обусловленную существованием понятной всем участникам и доступной для использования процедуры. В настоящее время с такими процедурами существуют проблемы и неясности.

Лицо, в отношении которого установлено право на реабилитацию, ничего, кроме извинений, «автоматически» не получает, у него есть лишь право требовать возмещения причиненного вреда, причем в части морального вреда – в порядке гражданского судопроизводства.

ства (ст. 136 УПК РФ). Еще менее благоприятная ситуация с возмещением вреда в случаях, когда он причинен незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). Упоминание о последнем имеет в УПК РФ настолько отрывочный характер, что несколько лет после принятия Кодекса специалисты практически не обращали на него внимания¹. Однако за этим вскользь упомянутым положением в действительности должен стоять полноценный уголовно-процессуальный институт. В контексте вопроса о формировании подходов к ответственности государства за причиненный вред он представляет наибольший интерес, и ему посвящена недавно защищенная докторская диссертация действующей судьи О.А. Мядзелец «Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение» [3].

Вообще внимание исследователей уголовного процесса в последние годы стало смещаться с традиционных центров притяжения в сторону менее изученных институтов, в том числе правовых статусов «неназванных» в УПК РФ участников уголовного судопроизводства [4]. Указанный институт в Кодексе обозначен лишь пунктирно, поэтому нуждается в обосновании отдельного от реабилитации существования и нормативного закрепления. При этом, несмотря на его неразработанность на нормативном уровне, он весьма интересен в научном и практическом плане. Кроме того, нужно понимать, что реальность применения данного института демонстрировала бы принципиально новый уровень ответственности государства за причиненный им вред.

В этом плане абстрактное понимание того, что неверно адресованное уголовное преследование требует какой-то «сатисфакции» не только в тех случаях, которые охватываются реабилитацией, но и в ряде иных процессуальных ситуаций, нуждается в наполнении конкретным содержанием.

Тут нужно отметить, что даже реабилитация как частный случай возмещения вреда, незаконно причиненного государством частному лицу, не так проста, как кажется, в плане обоснования общественной необходимости,

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2006. 1123 с.

пределов и оснований. Можно прибегнуть к простому аргументу, что государство располагает огромной властью, а значит, должно отвечать за каждый случай ее использования «во вред», независимо от чьей-либо вины в этом и причин такого использования. Но при более пристальном взгляде на проблему становится очевидным, что в каждом конкретном случае, включая меры уголовно-процессуального принуждения, власть применяет не государство в целом, а отдельные должностные лица. Логично предположить, что широкомасштабное развитие возмещения причиненного ими вреда станет одним из значимых факторов, определяющих повседневную деятельность этих лиц. В контексте уже известных цивилистических правовых форм в этой схеме видится логичной возможность регрессного требования государства к конкретным виновникам, но этот вариант может породить и вовсе непредсказуемые последствия.

Меры процессуального принуждения – инструменты, обеспечивающие нормальный ход процесса, но не его цель. Совершенно очевидно, что «опасные» инструменты без контроля могут быть применены не ради достижения целей, значит, их применение должно быть взвешенным и продуманным. С другой стороны, чрезмерная зарегулированность оснований применения и высокий риск несения ответственности за неверное применение таких инструментов могут «обезоружить» правоприменителя, опасаящегося, например, заключить под стражу невиновного.

Уголовно-процессуальная деятельность по своей сути имеет риски причинения «побочного» вреда, и, возможно, имеет право на существование идея, что общество должно разделять с государством бремя несения этих рисков, особенно если государство воспринимается обществом не как узурпатор власти.

Максимально упрощенно эту идею можно сформулировать так: если мы хотим, чтобы преступления были эффективно расследованы, а виновные в их совершении привлечены к ответственности, то мы должны дать должностным лицам для этого широкие полномочия и допустить – хоть и без восторга – право на ошибку. Во всяком случае, должностное лицо государства, применяя власть, должно руководствоваться прежде всего интересами дела, а вовсе не страхом перед возможным наказанием его лично [5, с. 121].

В рискованной деятельности ошибки случаются. Современное общество уже получило проблему «защитной медицины», когда стало привлекать к ответственности врачей за все их ошибки. Примерно тем же обществом рискует и применительно к уголовно-процессуальной деятельности.

С одной стороны, развитие института возмещения ущерба, причиненного незаконным применением мер принуждения, помимо собственного значения, способствовало бы ответственному применению названных мер. Их принудительная сила велика, степень ограничения прав варьируется от значительной до максимальной, но при этом только в отношении заключения под стражу более или менее существует понимание необходимости экономного его использования. Такая мера пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, на практике воспринимается как отсутствие всякой меры пресечения и назначается по остаточному принципу. По нашим данным, за последние годы практически нет уголовных дел, по которым бы в отношении известного подозреваемого или обвиняемого не было избрано ни одной из них, хотя избрание мер пресечения – это право, а вовсе не обязанность властвующих субъектов. При этом межотраслевое сопоставление мер пресечения с обеспечительными мерами в арбитражном процессе, мерами обеспечения в гражданском процессе и мерами предварительной защиты в административном процессе демонстрирует колоссальный разрыв, ведь доля дел с их применением составляет около 1 %².

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Проблема определения границ, когда возмещение вреда, причиненного государством, необходимо, очень сложная и интересная для

исследования. И если реабилитация как правовой институт в определенной степени исследована, то возмещение вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, нуждается в обосновании как идея, как норма и как институт. В настоящее время это формирующийся институт, который носит смешанный характер: часть его норм принадлежит уголовно-процессуальному праву, часть – гражданскому процессуальному и административному процессуальному.

Производство по уголовному делу имеет целый ряд сателлитов (судебный контроль, производство по возмещению процессуальных издержек, производство по исполнению приговора, реабилитация), которые, обладая всеми или большинством признаков процессуальной деятельности, урегулированы законом фрагментарно. Это в каждом случае требует «достройки» с помощью аналогии закона, теоретических разработок и др. Специфика субъектного состава, доказывания, преюдициального значения иных решений для производства о возмещении вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, не позволяет использовать для регулирования рассматриваемых отношений общий гражданский процессуальный порядок возмещения вреда.

Теоретическая достройка фрагментарно урегулированного института возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер процессуального принуждения, начата в упомянутой диссертации О.А. Мядзелец. Автору удалось обосновать существование общественной потребности в функционирующем механизме возмещения вреда, доказать автономность комплекса норм, регулирующих такое возмещение, отделяющую его от института реабилитации и позволяющую считать его самостоятельным правовым институтом. Разумным выглядит и предложение о возможном законодательном оформлении отдельного института в рамках существующего в УПК РФ раздела IV «Меры процессуального принуждения». При этом важно понимать, что меры процессуального принуждения, незаконное применение которых требует компенсации, не обязательно следует понимать в узком смысле раздела IV, так как принудительной силой и способно-

² Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2024 г. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8945> (дата обращения: 16.09.2025) ; Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8942> (дата обращения: 16.09.2025).

стью причинять имущественный и иной вред обладают многие процессуальные, в частности следственные, действия.

В условиях законодательного умолчания важнейших структур описываемого института приходится говорить о его системной проблемности. Только общее понимание уголовного процесса, его назначения, принципов, аналогия с иными фрагментарно урегулированными УПК РФ процедурами позволяют его достроить. Так, например, обязательной частью процедуры возмещения вреда является признание незаконными мер принуждения, которые повлекли причинение вреда. Такое признание может быть судебным или внесудебным, но должно состояться в уголовном, а не в гражданском судопроизводстве. Не хватает в УПК РФ и информации о составе мер принуждения, вред от применения которых подлежит возмещению, круге лиц, имеющих право на подобное возмещение, процессуальном порядке заявления соответствующих требований и их рассмотрения, включая подсудность, сроки, обжалование, денежный размер подобного возмещения и т. п. Изучение судебной практики может дать ответы на некоторые из этих вопросов, но понятно, что в условиях нормативной неопределенности формирование этой практики идет очень медленно и приводит к выводу, что зачастую возмещение вреда, предусмотренное ч. 3 ст. 133 УПК РФ, не отграничивается от реабилитации, единственным основанием отказа в удовлетворении требований является отсутствие статуса реабилитируемого лица³.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Подход, не разделяющий возмещение ущерба и реабилитацию, представляется необоснованным, поскольку отнесение положения, указанного в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, к институту реабилитации лишает его собственного смысла. Полагаем, что это положение и весь институт, который должен на его основе сфор-

мироваться, являются резервными по отношению к реабилитации. О.А. Мядзелец верно отмечает, «что из сферы применения ч. 3 ст. 133 УПК РФ не должны исключаться уголовно-преследуемые лица» [3, с. 256], поскольку в ней речь идет о «любых лицах». Однако возникает вопрос: могут ли быть основания для возмещения вреда, причиненного незаконным применением мер принуждения к обвиняемому, который был впоследствии осужден (либо по другим причинам не имеет права на реабилитацию)? Вопрос, как нам представляется, важный. Если исходить из того, что вред незаконным применением мер принуждения может быть причинен только лицу, которое не совершало преступления, то означает ли это, что к лицу, совершившему преступление (при обретении им процессуальных статусов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного и др.), можно применять любое процессуальное принуждение? Это означало бы, что принуждение обусловлено не процессуальной необходимостью движения уголовного дела, собирания доказательств, обеспечения возможности исполнения приговора и т. п., а фактом совершения преступления. Если не предполагать карательной сущности мер процессуального принуждения (а мы ее не предполагаем), значит, более справедливо предположение, что даже по отношению к виновному лицу (при наличии у него процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого и т. д.) применение мер процессуального принуждения должно быть законным и соразмерным. Причем не только в формальном смысле с точки зрения соблюдения процессуальной формы принятия соответствующих мер, но и с точки зрения реальной обоснованности и необходимости. Примеры ситуаций, когда к осужденному (соответственно, не имеющему права на реабилитацию) были применены чрезмерно (относительно совершенного преступления) жесткие меры принуждения, не так редки. Например, обвиняемый в совершении особо тяжкого преступления был заключен под стражу на период длительного расследования, а возможно, и суда, затем был осужден, но не за особо тяжкое преступление, а за преступление небольшой тяжести (вместо ч. 2 ст. 105 УК РФ ч. 1 ст. 109 УК РФ). Может ли он претендовать на

³ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2025 № 88-9137/2025 (здесь и далее, если не указано, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

возмещение вреда, причиненного ему применением чрезмерно строгой меры пресечения?

Примеры из практики противоречивы: применение мер пресечения к лицу по обвинению, по которому впоследствии преследование его прекращено, при наличии другого обвинения, по которому лицо осуждено, влечет отказ и в возмещении вреда по ч. 3 ст. 133 УПК РФ, и в удовлетворении требований⁴.

Необходимость развития рассматриваемого института явно видна из его современного законодательного состояния. Значимые его положения выводятся не из закона, а из других источников, таких, например, как постановления Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам (см. п. 39 постановления от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»).

Такое положение вещей как бы ставит возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием и применением мер уголовно-процессуального принуждения, в один ряд со всеми остальными основаниями возмещения морального вреда, такими как драка несовершеннолетних, не повлекшая вреда здоровью⁵, нарушения прав потребителей (несвоевременное подключение электроэнергии⁶, продажа матраса нестандартного размера⁷, неверная оценка стоимости восстановительного ремонта по договору ОСАГО или КАСКО⁸). Неслучайно в качестве примеров мы привели кажущиеся не самыми судьбоносными случаи, в том числе касающиеся нарушений прав потребителей, по которым компенсация морального вреда присуждается судом при установлении самого факта нарушения имущественных прав (ст. 15 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав

потребителей», п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33).

Для более широкого применения рассматриваемого института на практике требуется решение многих вопросов. Так, в теме определения границ обязательств, которые несет государство в связи с причинением вреда незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, отдельного внимания заслуживает вопрос о персональной ответственности должностных лиц, принявших незаконные процессуальные решения, причинившие вред. Наверняка уже сейчас есть примеры привлечения к ответственности следователей или других должностных лиц в случаях, когда вред, причиненный их процессуальными решениями, был возмещен.

Другим требующим законодательного решения вопросом является субъектный состав лиц, которым должны быть адресованы требования о возмещении вреда. В судебной практике большинство таких требований адресовано Министерству финансов РФ⁹, по ряду дел – Минфину и органу, осуществлявшему уголовное преследование, например, Следственному комитету РФ¹⁰, по другим – только такому органу¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соображения по поводу формирования института возмещения вреда, причиненного незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, приведены в большей степени в порядке постановки проблемы, чем для предложения конкретных способов ее решения. Они требуют глубокого исследования и детальной разработки, однако не вызывают сомнений востребованность подобной работы в свете обретения и осознания современной отечественной правовой системой своей идентичности.

4 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2025 № 88-8725/2025.

5 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.09.2025 № 88-19173/2025.

6 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2025 № 88-12216/2025.

7 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.09.2025 № 88-21214/2025.

8 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.09.2025 № 88-21755/2025.

9 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.03.2025. по делу № 88-8454/2025.

10 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.12.2022 № 88-25954/2022 по делу № 2-487/2022.

11 Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 20.03.2018 № 33-2164/18.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николук В.В. К вопросу о соотношении уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства / В.В. Николук // Журнал российского права. – 2023. – № 10. – С. 99–115.
2. Зайков Д.Е. Поворот исполнения судебного акта в арбитражном процессе: проблемы правоприменительной практики / Д.Е. Зайков // Российский юридический журнал. – 2017. – № 3. – С. 118–128.
3. Мядзелец О.А. Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение: дис. ... д-ра юрид. наук / О.А. Мядзелец. – Москва, 2025. – 360 с.
4. Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Мурылева-Казак. – Москва, 2023. – 221 с.
5. Тарасов А.А. Следователь – участник процесса на стороне обвинения: зло или благо? / А.А. Тарасов // Журнал российского права. – 2024. Т. 28, № 8. – С. 113–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 16.12.2025. The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 16.12.2025.

REFERENCES

1. Nikolyuk V.V. On the Question of Correlation of Criminal Procedure and Penal Enforcement Legislation. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 10, pp. 99–115. (In Russian).
2. Zaykov D.E. Restitution of Judicial Act in Arbitration Proceedings: The Law Enforcement Problems. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 118–128. (In Russian).
3. Myadzelets O.A. Institute of Compensation for Harm Caused to a Person by Unlawful Application of Procedural Coercive Measures: Theory, Legislation, Law Enforcement. *Doct. Diss.* Moscow, 2025. 360 p.
4. Muryleva-Kazak V.V. Procedural Means of Protecting the Property Rights of Persons Who Are Not Parties to Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* Moscow, 2023. 221 p.
5. Tarasov A.A. The Investigator Is a Participant in the Process on the Side of the Prosecution: Evil or Good? *Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 8, pp. 113–126. (In Russian).